
«СЫН СЭМА» ГЛАЗАМИ THE NEW YORK TIMES: РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Л.В. Каткова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва, Россия, 119991

Изучается образ серийного убийцы Дэвида Берковица (Сын Сэма), созданный в газете The New York Times, с помощью метода контент-анализа. Исследование включает в себя все материалы газеты, вышедшие с момента первого убийства и до оглашения судебного решения. В ходе исследования анализировались не только внешние характеристики публикаций (жанр, фотографии, комментарии и т.д.), но и внутренние характеристики, впервые разработанные автором статьи (оценочно-дескриптивные элементы и характеристики героев публикаций). Автор статьи предполагает, что газета умышленно или неумышленно с помощью различных приемов и языковых средств создает привлекательный образ убийцы. Полученные статистические данные дают основание утверждать, что гипотеза автора оправдалась. В частности, удалось выяснить, что журналисты The New York Times действительно представляют Дэвида Берковица в образе всемирно известной знаменитости и мистического чудовища, наделяют его сверхъестественными характеристиками и выдающимися способностями, что не может не влиять на восприятие его личности массовой аудиторией. Обнаруженные в текстах газеты примеры психологической агрессии преступника дают основание утверждать, что The New York Times была частично ответственна за возникшую в городе панику.

Ключевые слова: серийный убийца, преступление, Сын Сэма, Дэвид Берковиц, The New York Times, контент-анализ

Истории о серийных убийствах — один из самых излюбленных и наиболее продаваемых товаров СМИ. Часто, пытаясь представить преступления в наиболее выгодном свете, пресса формирует сильный и эффектный образ серийного убийцы, что создает ложное восприятие его личности аудиторией.

Данная статья посвящена результатам контент-анализа газеты The New York Times. В рамках нашего исследования мы собираемся выяснить, действительно ли The New York Times формирует на своих страницах привлекательный образ серийного убийцы и в целом создает положительную тональность при транслировании образа преступника.

В исследование входят все материалы издания, посвященные непосредственно серийному убийце Дэвиду Берковицу, известному также как Сын Сэма и Убийца 44 калибра. Временной массив исследования охватывает все известные нам публикации с 29 июля 1976 г. (момент первого убийства) по 12 июня 1978 г., когда Сыну Сэма был вынесен обвинительный приговор. Более года убийца с пистолетом 44 калибра держал в страхе жителей Нью-Йорка, в результате его нападений были убиты шесть человек, а семь получили огнестрельные ранения различной степени тяжести.

Все публикации анализировались с точки зрения внешних характеристик, например, таких как жанр, расположение, наличие фотографий и т.д., а также с точки зрения внутренних характеристик, включающих в себя оценочно-дескриптивные элементы и транслируемые характеристики героев публикаций. С помо-

щью последних двух групп категорий газета формирует образ преступника, который и является предметом нашего исследования. Оценочно-дескриптивные элементы отражают мнение автора о героях публикаций, т.е. здесь мы пытаемся выявить, как автор прямо или косвенно навязывает читателям свое личное восприятие. Категории же под заголовком «характеристика героев публикаций» включают в себе информацию более или менее воспринимаемую как факт, но также формирующую образ преступника (или образ объекта его нападения) и помогающую читателям составить собственное мнение о героях публикаций.

Внешние характеристики публикаций

Все собранные нами публикации о Берковице можно разделить на два периода: во время расследования и после ареста преступника и во время судебных процессов. Первый период охватывает 51 публикацию, а второй — 88. Только по одним этим цифрам мы можем заметить, что погоня за преступником, которую СМИ сразу же охарактеризовали как самую масштабную полицейскую охоту в истории Нью-Йорка, затянулась на вполне длительный срок, накаляя противоречивые эмоции и подогревая интерес к кульминации этого процесса — аресту подозреваемого.

Жанры, в формате которых были написаны материалы газеты, вполне характерны для криминальной журналистики: чаще всего, конечно же, встречается новостной формат (87 материалов из 139), также статистическую ценность представляют художественно-аналитические материалы (50), раскрывающие позицию редакции и представляющие детальный разбор прошедших событий, что очень важно, особенно когда речь идет о таком противоречивом и запутанном случае, как дело Сына Сэма.

46 материалов из 139 сопровождалась фотографией или серией иллюстраций, из них самому убийце было посвящено относительно немного (12). Пять фотографий изображали родственников погибших, а две — приемного отца Берковица.

Журналисты The Times обильно снабжали свои материалы комментариями: всего 17 из 139 публикаций никак не опирались на мнение третьих лиц. Как и следовало ожидать, чаще всего авторы ссылались на официальные источники (94 публикации), что вполне типично для криминальной журналистики. На втором месте — вот и первый сюрприз — комментарии самого Берковица (27). Сюда входят либо цитаты из его писем в полицию и прессу, либо цитированные фразы во время допроса, либо судебные высказывания. Журналисты одинаково часто обращались к мнению экспертов (чаще всего психотерапевтов) и родственников убитых или пострадавших (19). Комментарии родственников и друзей Берковица (15) помогали в составлении психологического и биографического портрета убийцы.

Внутренние характеристики публикаций

Разбирая множество публикаций на тему крови и насилия, мы пришли к выводу, что в освещении серийных убийств СМИ, как правило, придерживаются трех основных тенденций, или доминант, как мы их называем:

— серийный убийца как суперзвезда;

- серийный убийца как готический монстр;
- серийный убийца под маской нормальности.

Все три тенденции в той или иной степени характерны и для Дэвида Берковица. В первой доминанте — «серийный убийца как суперзвезда» — мы выделяем две категории: гиперболизация и общие отсылки к приобретенной популярности, национальной или общемировой известности. Гиперболизацией *The Times* явно не злоупотребляла: всего лишь 11 случаев употребления превосходной степени в 139 публикациях (7,9%). Отсылки к звездному статусу убийцы газета делала намного чаще. В общей сложности признак популярности встречался 74 раза в 139 публикациях (53%). Если посмотреть на распределение признака по жанрам, то в художественных материалах журналисты чувствовали себя более раскованно и упоминали об общенациональной известности Берковица в 28 из 50 материалов (56%). В новостных сообщениях признак встречался в 50,6% случаев.

Вторая доминанта состоит из двух категорий, которые можно озаглавить как «демонизация» (сравнение с чудовищами, монстрами и т.д.) и «мистификация». В отношении Сына Сэма эта доминанта представлена не так убедительно, как первая, но концентрация признака достаточно высокая, чтобы мы могли говорить о статистической значимости полученных результатов. В новостных сообщениях образ Берковица демонизировали нечасто (в 17% случаев), а в художественных материалах демонизация присутствовала 19 раз в 50 публикациях (38%). С мистификацией ситуация такая же: в новостях 19,5%, а в художественных статьях 34%. Как правило, здесь очки набирались за счет нагнетания таинственности, особенно в период убийств: многочисленные спекуляции о происхождении прозвища убийцы и его мотивации.

Доминанта «серийный убийца под маской нормальности» в публикациях о Сыне Сэма встречается достаточно редко — 26 раз в 139 публикациях (18,7%). В большинстве таких случаев авторы публикаций или знакомые Берковица указывали на типичность его внешности и в целом на внешнюю «обычность» его личности. Также сюда входят высказывания родственников и друзей Берковица, которые недоумевали, как такой тихий и кроткий мальчик мог превратиться в Сына Сэма, реакции коллег и соседей, которые всегда описывали его как *a very nice person*, ну и, пожалуй, заверения его арендодателя, который утверждал, что Берковиц всегда вовремя платил за квартиру. Например, газета писала:

to his co-workers and most of neighbors, David R. Berkowitz was a quiet, almost cherubic-looking individual who kept pretty much to himself, never went out with women and was hardly the type to attract attention, much less inspire fear or terror [1] (Для его коллег и большинства соседей Дэвид Р. Берковиц был тихим, почти ангельской внешности человеком, который жил в собственном мире, никогда не ходил на свидания с женщинами и вообще был не из тех людей, которые привлекают внимание, и тем более не из тех, кто вызывает страх и ужас).

Проявление авторской оценки в текстах о Дэвиде Берковице мы оценивали с помощью модификаторов (существительные, прилагательные или целые фразы, используемые автором материала в дескриптивных или оценочных целях), номинализации, дискурса возложения вины и других показателей.

Модификаторы помогли нам определить тональность, в которой говорится о субъекте преступления, и открыли нам глаза на примечательную особенность: в художественных текстах Сын Сэма чаще всего изображался в амбивалентном образе (44% случаев). При этом нейтральная тональность была зафиксирована только в 16 из 50 публикаций (32%). В семи материалах была замечена негативная тональность по отношению к серийному убийце, а положительная обнаружилась в четырех публикациях. В новостных сообщениях все вполне предсказуемо: в 64,4% случаях журналисты старались сохранять нейтральное отношение к убийце.

Проследить авторское отношение к герою публикаций можно и с помощью номинализации. После объединения отдельных нападения в серию и до ареста журналисты использовали прозвища для обозначения убийцы. У Берковица их два — Убийца 44 калибра и Сын Сэма. Фантазия журналистов не идет ни в какое сравнение с изощренностью параноидального шизофреника Берковица: их ресурсов хватило лишь на отсылку к *modus operandi* убийцы (как почти всегда и составляются прозвища серийных убийц). Имя, которым Берковиц назвал себя в рукописном письме к капитану полиции Джозефу Боррелли, вскружило голову не только журналистам, но и аудитории: жители Нью-Йорка обрывали телефоны полиции и днем, и ночью, забрасывая ее своими теориями о возможном происхождении удачного прозвища. После того как стало известно настоящее имя убийцы, журналисты стали использовать куртуазное *Mr. Berkowitz*, но и не забросили узнаваемые прозвища, уже успевшие стать его торговой маркой.

Еще одним способом проявления авторской оценки в текстах является так называемый дискурс возложения вины. Как и ожидалось, большинство материалов в этом отношении было абсолютно нейтрально. Если же авторы публикаций искали ответственных, то чаще всего ими становилось общество (14 раз в 139 публикациях), в основном полиция. Для сравнения сам убийца оказывался виноватым в 10 материалах. Одна из последних жертв Сына Сэма подала в суд на полицию Йонкерса на сумму в 10 миллионов долларов, обвиняя ее в том, что, имея к моменту нападения все возможные улики против Дэвида Берковица, она тем не менее не предприняла попыток к его задержанию. Полиция, разумеется, все отрицала.

Последняя группа категорий — «характеристика героев публикаций». В эту группу входят background субъекта и объекта преступления, а также действия героев публикаций. С помощью этих категорий, отражающих фактологическую информацию, а не мнение или восприятие автора, как это было в «оценочно-дескриптивных элементах», мы также можем выявить интересующий нас образ серийного убийцы.

Раскрывая читателям биографические данные Берковица, газета чаще всего ссылалась на его работу и профессиональные навыки, например: «24-летний бывший работник почты» и т.д. Второй по популярности признак в этой категории — «упоминание о выдающихся возможностях или способностях субъекта преступления» — чаще всего мелькал в художественно-аналитических материалах (11 раз в 50 текстах). Журналисты и эксперты говорили о Сыне Сэма как о хорошем стрелке, явно обладающим военными навыками, что впоследствии оказалось правдой, и о его хороших организаторских способностях: он всегда предвари-

тельно изучал местность, где собирался совершить нападение, продумывал возможные пути отступления и всегда оказывался на несколько шагов впереди полиции.

Действия серийных убийц мы оценивали с точки зрения положительной или негативной направленности. Так у нас сформировались две категории: «проявление агрессии» и «проявление симпатии». В каждой из двух категорий мы выделили три признака: действия, направленные на психологическое или эмоциональное воздействие; действия, направленные на физическое воздействие; экспрессивная коммуникация.

Категория «проявление агрессии» поможет нам понять, виновата ли *The New York Times* в возникновении паники в Нью-Йорке в период огнестрельной активности Сына Сэма. Убийца действительно погрузил огромный мегаполис в состояние ужаса и страха. Газета мгновенно подхватила настроение общественности и бросала публике кричащие заголовки, например:

Where the «Son of Sam» struck, young women walk in fear [2] (Где появляется Сын Сэма, молодые женщины убегают в страхе) или A 44-caliber cloud of fear [3] (44-калиберное облако страха).

В текстах *The Times* агрессия Берковица в основном выражается в психологическом воздействии. Упоминание об агрессии встречается в газете 59 раз в 139 публикациях (42,5%). В художественных материалах процент возрастает до 68%. Все это хорошо работает на общий образ Берковица. Однако, чтобы определить, причастна ли газета к возникшей в городе панике, нужно вычислить процент проявления агрессии в период, когда аудитория была наиболее чувствительна к такого рода информации — а именно когда убийца был еще на свободе. В этот период газета упоминала о психологической агрессии Сына Сэма 13 раз в 51 публикации, что составляет 25,5%. Мы не можем утверждать, что *The New York Times* однозначно сгущала 44-калиберные тучи страха над городом, но полученная цифра определенно дает нам понять, что градус напряжения в их текстах все-таки присутствовал.

Следует отметить, что паника в городе возникла еще и по причине кажущейся избирательности убийцы в плане экстерьера потенциальных жертв, о чем охотно писали все СМИ. Сообщалось, что убийца предпочитает женщин с длинными темными волосами (позже на допросе Берковиц утверждал, что и понятия не имел о такой своей склонности и убийства совершал интуитивно, если позволяли обстоятельства). Понятно, что после таких заявлений СМИ женщины боялись выходить на улицу и старались как можно быстрее изменить прическу, возрос спрос на парики, а салоны красоты не знали покоя от непрекращающегося наплыва клиентов. В *The New York Times* информация о внешности жертв появлялась 18 раз в публикациях, напечатанных до ареста убийцы (35,3%). Полученные нами цифры говорят о том, что *The Times* в целом считала уместным играть чувствами своих читателей и публиковать данные (к тому же не подкрепленные фактами), которые могут вызвать панику в обществе.

Если агрессия сопутствовала образу Берковица на каждом этапе расследования, то проявление симпатии для него совсем нехарактерно: никаких значимых результатов по этой категории мы не получили.

Выводы

Комментарии Дэвида Берковица появлялись в 27 из 139 публикаций (19,5%). Это больше, чем у экспертов и родственников погибших (19). Публикуя цитаты Берковица, газета тем самым транслирует его идеи и в какой-то мере навязывает параноидальное мировоззрение убийцы.

The New York Times действительно преподносит Берковица в образе звезды и общенациональной знаменитости — на это указывают полученные нами данные. В целом, доминанта «серийный убийца как суперзвезда» проявляется 85 раз в 139 публикациях (61,2%).

Доминанта «серийный убийца как готический монстр» встречается почти в половине исследуемых материалов (49,7%) — это доказывает, что журналисты The New York Times украшают образ Берковица сверхъестественными характеристиками и представляют его в виде мистического монстра.

Почти в половине художественных материалов можно было заметить авторскую оценку личности преступника. Чаще всего Берковиц изображался в амбивалентном образе (44%). Нейтральная тональность была зафиксирована только в 16 из 50 публикаций (32%). В семи материалах можно было проследить негативную тональность по отношению к убийце, а положительную — в четырех публикациях.

Почти во всех публикациях вместе с настоящим именем журналисты использовали прозвища для обозначения Берковица. Прозвища, особенно удачно подобранные, добавляют образу преступника таинственного шарма и мистического очарования.

Анализ категории «дискурс возложения вины» показал, что газета чаще всего возлагала ответственность за совершенные убийства на общество, чаще всего на полицию (14 раз в 139 публикациях). Сам же Берковиц был ответственным в 10 материалах.

В художественно-аналитических материалах журналисты достаточно часто упоминали о неординарных способностях и возможностях убийцы (11 раз в 50 текстах). О Берковице говорили как о хорошем стрелке и т.д., что не может не вызывать уважения и симпатии.

В текстах The New York Times упоминание об агрессии Берковица встречается 59 раз в 139 публикациях (42,5%). В художественных материалах процент выше — 68%. Кроме того, достаточно высокий процент психологической агрессии в период активности убийцы дает основание утверждать, что The New York Times была частично ответственна за возникшую в городе панику.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Buder L.* Berkowitz is described as “quiet” and as a “loner” // The New York Times. 1977. August, 12.
- [2] Where the “Son of Sam” struck, young women walk in fear // The New York Times. 1977. June, 30.
- [3] *Shepard R.F.* A 44-caliber cloud of fear // The New York Times. 1977. August, 4.

“THE SON OF SAM” IN THE NEW YORK TIMES: CONTENT ANALYSIS RESULTS

L.V. Katkova

Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russia, 119991

The article aims at the study of the representation of serial killer David Berkowitz (The Son of Sam) in The New York Times using content analysis. The research includes all newspaper articles that have been published from the time of the first murder and until the judgment of the court. During the research the author analyzes not only exterior characteristics of the articles (genre, photographs, comments, etc.) but also interior characteristics created by the author (evaluative and descriptive elements, character properties). The author assumes that the newspaper intentionally or unintentionally creates an appealing image of the killer using different methods and linguistic techniques. Statistical data that we have obtained allow us to assert that the author’s hypothesis is confirmed. In particular, the author finds out that The New York Times journalists depict David Berkowitz as a worldwide celebrity and a mystic monster and endow him with supernatural properties and outstanding abilities. Such depiction has a great influence on the audience’s perception of the killer. Many examples of the killer’s psychological aggression in the newspaper allow us to assert that The New York Times is partly responsible for the panic in New York City during a yearlong Son of Sam shooting spree.

Key words: serial killer, crime, The Son of Sam, David Berkowitz, The New York Times, content analysis

REFERENCES

- [1] Buder L. Berkowitz is described as “quiet” and as a “loner”. The New York Times. 1977. August, 12.
- [2] Where the “Son of Sam” struck, young women walk in fear. The New York Times. 1977. June, 30.
- [3] Shepard R.F. A 44-caliber cloud of fear. The New York Times. 1977. August, 4.